

ACADEMIC
FORUM

№ 01 (30), декабрь 2018

ОКНА РОСТА
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ
БЮЛЛЕТЕНЮ

Университет в эпоху технической воспроизводимости

Ректор Вышки Ярослав Кузьминов рассказал о намерении университета внести серьезные изменения в образовательный процесс: за пять лет перейти от классических лекций к их онлайн-версии.

Это предложение стало поводом для бурных дискуссий и споров. На страницах «Академического форума» проблему обсуждают профессора **Виталий Куренной, **Исак Фрумин** и **Александр Филиппов**.**

Виталий Куренной, руководитель школы культурологии

Упразднение лекций и их замена на что-то более дельное – идея не новая. Она была выразительно сформулирована Иоганном Готлибом Фихте в «Дедуцированном плане учреждения высшего учебного заведения в Берлине» 1807 года. Это был его собственный проект того самого учреждения, которое сегодня называется гумбольдтовской моделью исследовательского университета. Фихте прямо начинает свой план с обсуждения именно этого вопроса: если цель лекции – сообщить нечто известное, то зачем она нужна? Лучше обратиться к книге. Раньше наличие лекций, как и самих университетов, еще можно было оправдать недостатком и недоступностью книг, но теперь, указывает он, эта медийная проблема решена, доступ к книгам есть у каждого, книг предостаточно по любым вопросам. Фихте всегда довольно радикален, но тут он прямо сплеча рубит: если университеты, цитирую, ни на что больше не годны, кроме как на передачу известного знания, то они должны быть упразднены, а нуждающихся в обучении следует отослать к изучению уже имеющихся сочинений.

Но почему он в итоге приходит к выводу, что университету все же стоит быть? Старому – начетническому – университету, где, действительно, лекция нередко представляла собой просто зачитывание книги с некоторыми пояснениями, была противопоставлена модель нового – исследовательского – университета, где знание должно было или прямо порождаться в процессе коммуникации между преподавателями и студентами, или же, как дополнял эту идею Шеллинг в своих знаменитых в то время «Лекциях о методе академической учебы», творчески воссоздаваться в рамках лекции заново, так, чтобы слушатель схватывал сам акт этого повторного порождения знания, логику исследовательского движения мысли.

Тут важный момент: почему никакой медиальный посредник никогда не заменит живого общения? Учитель и ученик тысячи лет были нужны и будут нужны друг другу, потому что нечто происходит в самом событии их взаимодействия. Там, где наша задача – просто усвоить какое-то знание, мы получим только догматическое образование. А любая медийная фиксация, будь то в форме книги или видео, – это уже зафиксированное знание. С его помощью человек не может «научиться учиться», как выражались классики современной идеи университета, а уж тем более научиться производить новое знание.

Результат знания сам по себе не столь уж важен, сегодня мы, утрируя, говорим о таком знании – «загляните в Википедию». Важен результат в связке с процессом его порождения. Эта идея, кстати, поворачивается затем новой гранью в искусстве XX века и становится весьма вдохновительной для современных художников.

Исходя из своей перспективы – философско-теоретической, – я бы к этому добавил также следующее. Живое, непосредственное общение является критически важным с точки зрения воспроизводства того, что называется «культурная традиция». Наука – это определенная традиция: она однажды началась и, вообще-то, является довольно хрупким историческим продуктом, основанным, помимо прочего, на определенном типе преемственности, включая, например, практику присуждения одними учеными другим ученым научных степеней. Для пояснения ограничусь здесь одним примером: Платон никогда не написал ни одной работы, ни одного диалога о самом важном в своей философии предмете – о Благе. Он читал, как нам известно и от Аристотеля, только лекции на эту тему (он вообще, как мы знаем из «Федра», с подозрением относился к письму). Неписаное учение Платона о Благе – вот что составило живую традицию Академии. Подобные элементы культурной традиции образуют осевые моменты нашей идентичности, поэтому мы все знаем, у кого учились, чьими учениками являемся и к каким истокам, тем самым, восходит наша научная традиция: «Мы многое из книжек узнаем, но истины передают изустно» – есть такая точная строка у Владимира Высоцкого, рифмующаяся с этой темой.

Но означает ли это, что надо сохранять лекции в их современном формате? Считаю, это необходимо для новаторских курсов, спецкурсов или факультативов, таких, где сам лектор еще находится в поиске знания, где то, что он говорит, требует прямого отклика. Такая практика критически важна, кстати, для молодых ученых и преподавателей: нельзя сформировать соответствующие навыки перед камерой. Лекции же, которые предназначены многим и основаны на утвердившемся дисциплинарном каноне знания, вполне могут быть записаны. Живой контакт здесь с аудиторией часто невозможен – в силу численности аудитории, да и не очень-то и нужен.

Но поворот к широкой практике перевода лекций в онлайн-формат одновременно, на мой взгляд, является основанием для того, чтобы скорректировать одну серьезную деформацию нашей системы образования, своего рода накопленную ей систематическую ошибку. Она состоит в том, что лекции часто главенствуют

над семинарами. Напомню, что научный семинар – это изобретение современного университета, никаких семинаров до XIX века вообще не было (в XVIII веке они только-только стали зарождаться). Более того, право проводить семинар, а не читать лекции – вот что было самым ценным для университетского профессора в момент рождения современного университета как такового. Фридрих Шлейермахер в своем трактате об университете прямо настаивает: нельзя допустить такой дискриминации, чтобы к праву ведения семинаров был доступ только у привилегированной профессуры. Поэтому, конечно, можно и нужно записывать курсы, отправляя их в дальнее плавание. Но необходимо увязать это с изменением статуса и формата семинаров, которые должны по численности студентов давать возможность состояться тому, что тот же Фихте считал главной ценностью университета, а именно спокойному и вдумчивому диалогу, который традиционно называется сократическим.

Иными словами, медиатизация и известного рода алгоритмизация высшего образования там, где это только возможно, должны сопрягаться с максимальным расширением прямого контакта и коммуникации преподавателя со студентом там, где это необходимо.

Исак Фрумин, научный руководитель Института образования

Я все-таки учился в старое время, когда не было онлайн-лекций, поэтому не могу опираться на свой опыт при ответе на этот вопрос.

Вместе с тем я понимаю, что люди, которые с детства много работают со сложными визуальными материалами, имеют особые механизмы восприятия, которые помогают им эти материалы усваивать. Однако систематических исследований про эти механизмы я не видел. Если, конечно, не считать посты в «Фейсбуке» и статьи в газетах про клиповое сознание.

По старинке я больше люблю ходить в живой театр, чем смотреть телепередачи, это связано с моей личной историей, для меня живая лекция, безусловно, имеет ауру, в том числе потому, что ты переживаешь это не один. Однако я вспоминаю и о том, чего я только плохого не делал на лекциях – не то, что от меня ожидал преподаватель. Ненавидя в принципе потерю времени, особенно я не любил лекции по научному коммунизму, а также армейские лекции для личного состава. Это ведь был просто бубнеж по готовому учебнику.

Есть лекция-лекция, а есть лекция-перформанс, спектакль. Я продолжаю такие лекции читать, готовлюсь к ним очень долго. Иногда могу потом одну и ту же лекцию несколько раз в разных аудиториях читать. Этот опыт меня заставляет думать, что общее количество лекций, передающих информацию, надо сократить, но я не считаю правильной идею абсолютной замены лекций на видеоматериалы. Я считал и считаю, что путь, по которому нам надо идти сегодня, – это путь радикальной трансформации целых курсов, в которых есть и лекции, и семинары, и практические занятия, и экзамены. Это путь радикальной трансформации образования с учетом наличия цифровых инструментов, которые помогают в каждом из этих форматов.

Например, я был на лекции в Массачусетском технологическом институте, где было 160 человек, там стояло 20 столов по 8 мест, у каждого человека был кликер, лектор давал какие-то задания на обсуждение. Это была лекция или это был семинар на 160 человек? Или это была практическая работа? С одной стороны, это была лекция, потому что преподаватель рассказывал и задавал какие-то вопросы всей аудитории, а публика реагировала на них. Сейчас, насколько я знаю от этого же лектора, они отказались от кликеров, потому что у каждого есть смартфон и в смартфоне есть вопросы, которые появляются на доске. Когда я вижу эти примеры, то с точки зрения трансформации образования я становлюсь более

радикален, чем наш ректор. Мне кажется, что речь должна идти о перестройке всех типов занятий, а не только лекций с учетом четырех обстоятельств: неограниченный доступ к цифровым ресурсам; внутренняя коммуникация в группах; обратная связь; самопроверка. Нам придется передумать, переосмыслить все наши курсы, имея в виду наличие этих четырех новых возможностей.

Я не считаю рациональным вариантом полную замену преподавателей, лекторов. Мне кажется, что надо использовать разнообразные форматы и технологии. Для меня будущее образование – это то, что называется blended с очень сложной новой конфигурацией.

Университет должен признать, что находится в очень серьезном моменте развития. Мобилизовать ресурсы и поддержать эту работу преподавателей, стимулировать. Я как преподаватель могу сказать, что для меня запись онлайн-курса – это огромная дополнительная работа. Потому что я хочу ее сделать хорошо. Мне даже важно не записать мои лекции, это мелочь. Мне же надо его весь переструктурировать, придумать занятия, задания, единицы содержания для проверки.

Есть радикалы с другой стороны: они говорят, что слайды создают ненужную визуальную опору, а тренировать нужно внимание и слух. В этой картине мира традиционная лекция становится навывком, который можно потерять, и это будет так же ужасно, как то, что мы потеряли кузнечное дело или всеобщее умение ездить верхом. Что можно ответить: пусть в деревнях кузнецов сохраняется кузнечное дело. Может быть отдельная школа слушания лекций.

Но все равно мы уже потеряли невинность, мы уже показываем презентации. И недалек тот день, когда каждая лекция станет более интерактивной, с включением обратной связи, с использованием многообразия цифровых ресурсов.

Александр Филиппов, заведующий лабораторией «Центр фундаментальной социологии»

Каковы преимущества традиционных очных лекций, позволившие им просуществовать столь долгое время?

Это же разговор не о развитии образования, иначе пришлось бы говорить о том, как менялась форма очной лекции в течение веков, а мы тут сразу рассматриваем один большой блок – лекции, которые мы интуитивно, хотя и не всегда точно, называем традиционными, и лекции, которые распространяются через интернет и рассматриваются как альтернатива этой совокупной традиции. И хотя перемены в традиционном понимании лекций тоже были, но нам сейчас удобно исходить из того, что то, что мы застали сами и к чему привыкли сначала как студенты, а потом как преподаватели, имеет долгую историю.

Очевидные преимущества традиционной лекции связаны с тем, что в социологии называется соприсутствием или сотелесным присутствием. Ощущение живой жизни нельзя недооценивать. Для лектора это возможность получить непосредственный фидбек через какие-то телесные вещи, будь то перешептывание или, наоборот, напряженное внимание, которое нечасто встречается, но дорогого стоит, через вопросы, непонимание, недовольство или аплодисменты. Огромное количество вещей делает лекции одним из видов социальной жизни, и заменить его в принципе ничем нельзя. Я говорю «соприсутствие», используя термин знаменитого американского социолога Ирвинга Гофмана, который, кстати, посвятил лекции специальное исследование. Это все было довольно давно, около сорока лет назад, и в его книге «Формы разговора» глава про лекцию соседствует с главой про радиопередачу, так что сейчас, вообще-то, самое время все это у нас перевести и как-то актуализировать. Соприсутствие в пространстве лекционного зала задает определенную рамку взаимодействия, это особый мир

со своими правилами. Поддержка его в обществе означает, что в нем видят ценность, как в театре, музее, научной лаборатории, которые тоже выделяются как особые миры, особые рамки социальных событий. Есть знания, которые нельзя получить иначе, чем в пространстве лаборатории. Есть род социального опыта, который транслируется лишь в пространстве аудитории при живом общении, и лектор захватывает аудиторию, от лекции возникает праздничное ощущение, а не только передаются знания. В деталях мы разбираться не будем, а только зафиксируем, что лекция – это особый, до сих пор признаваемый социально ценным вид общения, а не просто способ передачи информации.

Какие недостатки есть у традиционных лекций, из-за которых сегодня их вытесняют онлайн-лекции?

Первый недостаток имеет отношение к количеству участников и продолжительности процесса, будь то одна лекция или весь лекционный курс. На лекции может присутствовать огромное количество слушателей, не часто, но все-таки такое встречается. Чем больше людей, тем выше вероятность того, что внимание части из них будет рассеяно. С течением времени или с усложнением материала концентрация внимания тоже будет понижаться, и те, кто не расположен внимательно слушать, будут мешать тем, кто, может быть, хотел бы сосредоточиться. Огромный поток, который приятно возбуждает и вдохновляет лектора в начале курса, к пятой-шестой лекции по каким-то причинам редет, и у лектора поневоле возникает мысль, что, может быть, он недостаточно хорош или поток недостаточно хорош и нужно что-то переструктурировать и т.д. Праздник куда-то уходит, но и передача знаний страдает. Сама эта рамка особого огороженного мира требует порой слишком многого. Я как-то пытался слушать записи лекций знаменитого философа Лео Штрауса о Канте, читанные им для благодарной аудитории на пике популярности. Конечно, дело было давнее, но там были открыты окна, и шум с улицы (не шум моторов, но пожарная сирена!) часто мешал разобрать целые фразы. Кто из нас с этим не сталкивался?!

Но самый главный недостаток, конечно, обусловлен повторением курсов, когда преподаватель из года в год должен давать необходимое, образцовое знание в виде хорошо отработанных лекций. И постепенно этот преподаватель теряет прежний энтузиазм. Такое профессиональное выгорание происходит, может быть, и не со всеми, но его нельзя сбрасывать со счетов.

В случае традиционных лекций лектор чувствует аудиторию и может подстраиваться под нее, корректируя свой курс. Не потеряется ли такое чутье или чувство аудитории у тех, кто пишет онлайн-лекции?

Такая опасность, безусловно, существует, и это подводит нас к ключевому вопросу: можно ли все сто процентов лекций заменить онлайн-лекциями? Мне это кажется маловероятным. Не нужно забывать, что практика заочного обучения существует очень давно, и многое говорит за то, что она просто будет расширена. Если бы дело этим ограничилось, мы бы сейчас не беседовали. Упомяну все же элемент личного присутствия в старых формах заочного обучения; те, кто обучался в заочных университетах, все равно приезжали на какие-то периоды послушать часть лекций вживую, в общем, это было не лучшее качество, конечно, но мы сейчас опять рискуем уйти от центральной темы.

Действительно ли внедрение онлайн-лекций будет способствовать повышению качества образования? Да, на традиционных лекциях студенты могут терять внимание, они могут их не посещать, но никто не гарантирует, что они будут внимательно смотреть и воспринимать онлайн-лекции.

Не следует идти простым путем, через противопоставление чтения лекций вживую лучшими преподавателями лучшим студентам в лучших аудиториях лекциям, записанным посредственными преподавателями в наименее удачной, наименее адекватной форме и неизвестно кем и как воспринятым. Это слишком легко, не выдержат вторые сопоставления с первыми, получится, что ставка на онлайн проиграна с самого начала. Но ведь это неправда. Дело обстоит гораздо серьезнее, потому что мы сегодня сталкиваемся с такими факторами, которые действительно ставят под сомнение традиционные формы лекции именно в массе, а не в лучших, уникальных формах.

Прежде всего онлайн-преподавание – это междугородная и международная среда. Сегодня человек может не просто прослушать онлайн-курс у лучших лекторов мира, он может сделать это в максимально комфортной для себя обстановке, не выходя из дома, не изматываясь в бесконечных пробках, зачастую даже не платя за образование, как платил бы в каком-то университете. Да, меняется фрейм. Он не попадает на счастливый остров, не попадает в особый мир соприсутствия. У него не будет праздника. Но онлайн-лекции не являются результатом механического перенесения живых лекций в новую среду. В лучших прогрессивных формах они разработаны специально для интернета, адаптированы под форматы восприятия человека у компьютера. Обычно они короче, нередко упрощены, сопровождаются титрами, позволяющими даже плохо владеющим английским слушателям спокойно следить за ходом лекции на английском языке, и снабжены гиперссылками, мгновенно перебрасывающими к источникам, также размещенным в интернете. Кстати, и на русском такое появляется, я специально говорю об английском, чтобы подчеркнуть международный характер обучения. И, зная, что все это уже существует и развивается, делать вид, что лекция в офлайне остается вне конкуренции, кажется мне опасным заблуждением.

Как быть с тем, что при переходе на онлайн-лекции у преподавателя пропадает часть нагрузки?

Люди боятся, что в связи с этим их могут уволить.

Насколько обоснованны их опасения?

Во-первых, я сторонник развития онлайн-образования, хотя вижу и его недостатки, и опасности. Но я считаю, что надо идти навстречу опасности с открытыми глазами и пытаться сделать все, чтобы усилить преимущества и минимизировать риски.

Во-вторых, я абсолютно не верю в возможность тотальной замены очных лекций онлайн-обучением. Я считаю, что лекция как телесное соприсутствие сохраняет культурную ценность, в особенности в небольших кружках и на уникальных специальных курсах, требующих постоянного личного взаимодействия преподавателя со слушателями. Только в будущем такое соприсутствие будет эксклюзивным продуктом лучших вузов. Не будем говорить о смешанных, гибридных формах, в которых живое общение идет, например, через скайп. Ограничимся только тем, что записано. Записей будет все больше. Такова преобладающая тенденция. Проблема в том, что без кооперации преподавателей ситуация никуда не двинется. Любой университет, в котором подобные нововведения будут встречать противодействие, с течением времени начнет заведомо проигрывать на рынке образования университетам, предлагающим свои онлайн-курсы. Университет, упорствующий в сохранении старых форм, будет проигрывать университетам, которые чрезвычайно активны на этом поприще. Это не конкуренция со старыми заочными университетами, в которых часто работали не лучшие кадры. Сейчас это предложение лучших вузов для всего мира. Можно ожидать, что нередко студенты станут нехотя ходить на очные лекции, а те, кто захочет действительно чему-то научиться, будут тайком, а иногда и в открытую пользоваться онлайн-лекциями. Мне уже приходилось

сталкиваться с тем, что студенты параллельно с моим курсом слушают курсы Йельского университета по моему предмету, чтобы получить более объемную картину. Ради бога. Я могу только радоваться этому и вместе с ними это обсуждать. Но далеко не каждый преподаватель обрадуется необходимости конкурировать с преподавателями Йеля или MIT. И это недоверчивое и противящееся всему новому отношение преподавателей, если пойти у него на поводу, обернется потерей конкурентоспособности университета. Любого, даже лучшего.

Конечно, преподаватель должен думать о том, чем перемены обернутся для него лично. Вообразите ход его мыслей: «Вот сейчас я записываю свой курс, тот самый, который я так устал читать, но я его читаю и знаю, что меня не уволят, потому что, кроме меня, этот курс читать некому. Сейчас я запишу этот курс, замечательно, и что дальше? Я не нужен? И зачем мне тогда его записывать?» Это отношение луддитов к машине, вытесняющей их труд. Чем вы планируете преодолевать такое отношение? Какой мотив сейчас у преподавателей во всем этом участвовать, кроме разовой оплаты при записи курса, приказа, если убеждение не сработало? Пока я не вижу внятной позиции по этому поводу нигде и ни у кого, в том числе и у нас в Вышке. Может быть, рано, а может быть, и не так уж рано сформулировать ее более четко. А может быть, она уже есть и только не высказана? Я напомним, что учет публикаций, который в конце года у многих вызывает некоторую нервозность, поначалу не влек за собой никаких последствий. Было объявлено, что он нужен для общей статистики, чтобы понимать, где коллеги публикуются. Прошел год статистики, два года статистики, и через несколько лет у нас появляется целая система учета и контроля и, в общем, предложение увольняться тем, кто не вписался в высокие стандарты. Я эту тему развивать не хочу, там много сложностей, но подозреваю, что не все одинаково довольны и не все забыли, с чего все начиналось. Было бы правильно принимать в расчет социальную память коллектива.

Понятно, что, за определенными исключениями, большинство курсов после записи онлайн все равно будут продолжать требовать живого участия преподавателя в той или иной форме. Например, курс предполагает обзор новейшей литературы по предмету. Кто будет делать его апгрейд? Или: курс сначала не пошел именно в данной форме, хотя он нужен. Кто будет реагировать на фидбек от слушателей этого курса в онлайн-режиме? Да мало ли что может возникнуть! Кто будет проверять задания? Машина? До этого, думаю, довольно далеко, во всяком случае, если наш робот, учитывающий публикационную активность, требует соучастия живых людей, то и для оценок они понадобятся.

Насколько сопоставима эта нагрузка – обслуживание курса и чтение курса?

Вопрос можно поставить иначе: до какой степени справедлива та нагрузка, которая существует сейчас? Понятно же, что, когда за преподавателем записано несколько сотен часов, это не значит, что он все эти несколько сотен часов отрабатывает в аудитории. Горловые часы – это одно, а часы, которые идут, как у нас пишут, на консультации, на проверку работ, руководство аспирантами или еще кем-то, – это уже нечто другое. Тут же один факт того, что человек записал курс онлайн, дает ему какую-то фору в учете часов на ближайшее время. Также проверка заданий и апгрейд курса. Если стоит вопрос о том, чтобы изыскать ресурсы для того, чтобы наши преподаватели занимались еще и активной научной

работой, успевали публиковаться и развиваться как ученые, то онлайн-курсы высвобождают для этого время. Если же вопрос только в том, чтобы за счет перевода всего обучения в онлайн-режим высвободить рабочую силу и сэкономить на этом средства, выделяемые университету, то те, кого эти перемены коснутся как работников, довольно быстро это поймут, какие бы слова при этом ни произносились, и этот процесс приведет к началу классовой борьбы в стенах университета. Я подчеркиваю: именно классовой борьбы в старом марксистском смысле. Ни о какой корпоративной солидарности в этом случае даже речи идти не может. А между тем без такой солидарности сам университет будет уязвим на рынке.

Преподаватели, которые боятся такого развития событий и встречают глухой враждебностью эти перемены, должны понимать, что сегодня они имеют дело не со злой волей начальников, которые принимают неудачное решение, но с логикой мирового процесса. И если они рассчитывают умереть раньше, чем этот процесс их затронет, то они ошибаются: он развивается очень активно. Единственное, на что могли бы надеяться преподаватели гуманитарных дисциплин и общественных наук, – это то, что многие из этих дисциплин прямо завязаны на родной язык и родную культуру, поэтому процесс глобализации затронет их, вероятно, в последнюю очередь или не столь радикально. Ведь гуманитарные науки нужны не просто для передачи информации. Их задача в социализации, в воспитании гражданина, человека, который чувствует себя наследником, продолжателем, проводником своей национальной культуры, а не профессионалом, одинаково пригодным в любой точке мирового общества. Включить его в систему международного онлайн-образования – значит потерять шанс на формирование гражданина. Тенденция последнего времени – это развитие в сторону так называемой суверенизации, откат глобализации обратно к государственной границе: к истории своей страны, национальной культуре, родному языку и т.п., но система образования имеет всемирный характер. Здесь есть много реальных, невыдуманных противоречий, ситуация требует маневра, а не расчета на то, что все развитие необратимо идет в одну сторону.

Наиболее уверенно сейчас могут чувствовать себя те, которые предлагают абсолютно эксклюзивный продукт, требующий личного участия и личного присутствия. За ними следуют те, кто предлагает уникальные знания, добытые в результате собственной научной работы, которые, если сами исследователи не будут их передавать, просто больше неоткуда взять. Наконец, третья группа – те, кто так или иначе завязан на проблематику гражданской социализации. Все остальные находятся на пороге огромных сдвигов и должны понимать, что это сдвиги мирового маховика образования. Нравится нам это или нет, он все равно раскручивается, и лучше смотреть на этот процесс открытыми глазами и искать не столько стратегии сопротивления, сколько стратегии деятельного участия в улучшении того, что можно улучшить, и спасении того, что можно спасти.

Продолжение читайте на сайте

okna.hse.ru

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев. Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 621-4514. Подписаться на рассылку можно здесь: <http://okna.hse.ru/subscribe>

Дата выпуска: 13.12.2018.

Тираж 750 экз. Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20.